P3
3
1
48

Р3 3/48

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“.

№ 38—39

М. КЛЕВЕНСКИЙ

Р3 3/48

ДЕКАБРИСТ
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

312/3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1925

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 44021
13-I-1926.
БИБЛИОТЕКА.

Москва. Главлит № 47.483. 35.000 экз.

„Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9.

С. И. Муравьев-Апостол.

С рис., сделанного во время следствия.
(Из собр. Ленингр. Музея Революции).

Сергей Иванович Муравьев-Апостол родился в октябре 1796 года, т-.е. в последние дни царствования Екатерины II. Отец его, Иван Матвеевич, родовитый и богатый дворянин, был очень образованным человеком: он прекрасно знал несколько иностранных языков, писал книги. В царствование Павла он был представителем русского правительства в немецком городе Гамбурге, потом был назначен посланником в Испанию. В 1805 г. он вернулся в Россию, оставил службу и поселился в своем имении, в Полтавской губернии, где предавался преимущественно разным книжным занятиям.

Детство Сергея Муравьева-Апостола прошло за границей—в Гамбурге, потом в Мадриде. Он рос вместе с братом Матвеем. Так как в Испании нельзя было хорошо наладить ученье детей, то Сергея с братом отдали в школу в Париже. По возвращении Ивана Матвеевича в Россию, жена его переехала в Париж, чтобы дождаться окончания учения сыновей. В парижской школе Сергей Иванович учился блистательно и был всеобщим любимцем.

В 1809 году братья Муравьевы-Апостолы отправились с матерью в Россию, о которой они не имели никакого представления. Они не знали даже, что в

России существует крепостное право. Мать сказала им об этом, уже когда они переезжали русскую границу при возвращении на родину. На юного Сергея произвело ужасное впечатление сообщение, что они едут в страну рабства.

В Петербурге Сергей Иванович поступил в Институт Путей Сообщения, откуда был выпущен через два года прапорщиком. Когда началась война с Наполеоном, молодой прапорщик принял в ней участие. Он прибыл в действующую армию как-раз накануне Бородинского сражения. После отступления Наполеона из России война была перенесена в Западную Европу. Сергей Муравьев-Апостол является участником всей кампании 1812—1814 г. г.—то в качестве офицера генерального штаба, то в партизанском отряде. Он участвовал почти во всех больших сражениях этой войны и за храбрость был награжден золотым оружием.

Пребывание в течение некоторого времени в Западной Европе, да еще в такое время, когда политическая жизнь шла очень бурно, оказало на Сергея Ивановича такое же влияние, как и на многих его сотоварищей по походу: его политическое развитие получило сильный толчок, мысль невольно обращалась от более передовых стран к России с ее крепостничеством и самодержавием.

В 1815 году, по возвращении в Россию, Муравьев-Апостол был назначен поручиком в лейб-гвардии Семеновский полк. Этот полк, как и все гвардейские, находился в Петербурге.

У Сергея Ивановича было намерение, выйдя в отставку, уехать за границу с тем, чтобы слушать там лекции в университете, но отец не дал на это своего согласия. Пришлось продолжать военную службу.

То движение мысли, которое началось у многих офицеров еще во Франции, продолжалось и в России. Наблюдения над русской жизнью давали много пищи

недовольству русской дворянской молодежи. Да и не только дворянской: многие солдаты, проделавшие заграничный поход, сильно развились умственно, в них появилось большое чувство собственного достоинства, они с негодованием стали смотреть на многие стороны военной службы и русской жизни вообще.

В 1815 году офицеры Семеновского полка устроили артель. Члены артели обедали совместно вскладчину, а кроме того читали иностранные газеты, обсуждали политические новости, толковали относительно различных общественных вопросов. Это было нечто в роде клуба с преобладающими политическими интересами у его участников. Артель просуществовала несколько месяцев. Когда слухи о ней дошли до Александра I, он приказал закрыть артель, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся. Деспот верно угадал политическую опасность от учреждения, по внешности невинного.

На место закрытой артели скоро возникло среди лучшей части петербургского офицерства уже настоящее тайное общество. Оно было основано в самом начале 1817 г. и называлось „Союз Спасения", или иначе „Общество истинных и верных сынов отечества". В числе основателей его был и С. И. Муравьев-Апостол. „Союз Спасения" просуществовал год с лишним и сменился другим обществом под именем „Союз Благоденствия".

И „Союз Спасения", и „Союз Благоденствия" не носили еще определенного революционного характера. Конечной целью этих обществ было освобождение крестьян и учреждение в России конституционного правления. Поставленной цели думали добиваться мирными путями, постепенно подготовляя общество к таким реформам. Только меньшинство участников, более дальновидное, понимало уже, что без революционных путей в конце-концов не обой-

тись. Среди этого меньшинства уже в 1817 г. поставлен был даже вопрос о цареубийстве.

Военные члены тайного общества обращали большое внимание на улучшение положения солдат. Это положение было очень тяжелое, чуть не каторжное. Срок солдатской службы был 25 лет, муштровка солдат производилась с необыкновенной жестокостью: побои, палки и шпицрутены применялись за каждую провинность. Среди солдат была в ходу особая песенка, где говорилось: „Я отечеству—защита, а спина всегда избита. Я отечеству—ограда, в тычках, пиньках вся награда. Кто солдата больше бьет, и чины тот достает".

Члены тайного общества, а также и другие офицеры, увлеченные новыми стремлениями, вывели совершенно из употребления палку при обучении солдат, заботились о грамотности солдат, для чего заводили в полках школы. Муравьев-Апостол значительную часть своего времени проводил в казармах, посвятив себя заботам о солдатах своей роты. За это солдаты платили ему большой любовью.

В 1820 году в Семеновском полку произошли большие волнения. Незадолго до того Александр I решил, что этот полк нужно „подтянуть", и назначил туда нового командира—полковника Шварца, человека грубого, невежественного и жестокого. Он ввел в полку, привыкшем к более человечному обращению, самую свирепую муштровку, оскорблял и унижал солдат до последней степени, создал для них невозможные во всех отношениях условия жизни. Осенью 1820 года солдаты вышли из терпения. Одна из рот заявила протест против действий Шварца. Началось общее волнение. Когда эту роту решено было арестовать, прочие солдаты потребовали, чтобы и их тоже арестовали. Таким образом солдаты всего полка были отправлены в крепость.

Когда начались волнения в казармах, С. И. Муравьев-Апостол старался удержать свою роту от выступления, так как опасался, что солдаты только напрасно погибнут. Но, несмотря на хорошее отношение к нему солдат, он не достиг своей цели: солдаты не захотели отстать от товарищей.

На Семеновский полк обрушились тяжкие кары. Весь полк старого состава был расформирован, и солдаты и офицеры были переведены в различные армейские полки. Солдаты, признанные зачинщиками, были прогнаны сквозь строй и сосланы в каторжные работы.

Сергей Иванович был назначен в Полтавский пехотный полк, затем был послан на службу, в виде наказания, в Бобруйскую крепость, а после этого был переведен в Черниговский пехотный полк командиром батальона в чине подполковника. Полк этот был расположен на юге, в Киевской губернии.

По собственному показанию Муравьева-Апостола, уже с 1818 года жизнь его целиком наполнилась мыслями об освобождении России. Освобождение это он, подобно другим передовым дворянам своего времени, представлял, как замену самодержавия правлением народных представителей, с уничтожением крепостного права и введением таких свобод, как свобода слова, печати, собраний и пр. Социалистом он не был, — в то время вообще социализм в России был еще почти неведомым понятием.

„Союз Благоденствия" довольно скоро перестал удовлетворять своих членов. Общественное настроение поднималось, и прежняя деятельность Союза стала представляться слишком мирной и медленной. В начале 1821 г. на собрании представителей общества Союз был об'явлен уничтоженным. Но руководители, закрывая Союз, совсем не имели в виду отказаться от тайных обществ: они хотели отделаться

от нежелательных членов и затем снова создать тайное общество, но уже с более строгим приемом членов и с более решительным планом действий. Так и было сделано. На место одного тайного общества возникло два. Центром одного, Северного, был Петербург; офицеры, расквартированные в Киевской, Подольской и др. смежных губерниях, составляли Южное Общество.

И то и другое общество состояли, главным образом, из офицеров, хотя не исключительно. По своему классовому положению члены тайных обществ были помещиками, преимущественно средней руки. Южное Общество, под влиянием своего главного вождя, полковника Пестеля, было значительно революционее Северного. В то время, как северяне стремились к ограниченной монархии, южане стояли за республиканский образ правления и были сторонниками более решительных и скорых действий.

Попав из столицы на юг, в захолустье, Муравьев-Апостол целиком отдался работе в тайном обществе и заботам о солдатах. Многие солдаты бывшего Семеновского полка были тоже переведены в южную армию. Они поддерживали отношения с Муравьевым-Апостолом — посещали его, писали ему письма. Бывшие семеновцы, более сознательные и претерпевшие несправедливое наказание от начальства, сеяли дух недовольства в солдатской массе. Не только солдаты своего батальона были преданы Муравьеву — в других батальонах и полках его имя тоже было хорошо известно.

Муравьев-Апостол отличался чрезвычайно привлекательными личными свойствами — в нем сразу чувствовался выдающийся по благородству и искренности человек. Поэтому-то, кто узнавал его, по большей части привязывался к нему. Его горячо любили как подчиненные ему солдаты, так и его товарищи офи-

церы. Среди офицеров на юге особенно сблизился с ним молодой Михаил Павлович Бестужев-Рюмин. Он безгранично предался Муравьеву, готов был за него в огонь и в воду, разделял с ним все его стремления.

В южной армии Муравьев-Апостол играл выдающуюся роль среди членов тайного общества. Главным вождем южан и самым замечательным человеком среди всех заговорщиков был полковник Пестель. Человек с громадным умом и железной волей, он подчинял всех своему влиянию. Его планы относительно устройства России после восстания отличались наибольшей глубиной и продуманностью. Но Пестель был скорее политический мыслитель, чем деятель. Его больше всего занимало создание конституции для будущей русской республики. Муравьев-Апостол думал больше о том, как начать революционное восстание.

Южное Общество имело несколько центров организации, — управ, как они назывались. Этих управ было 3: Тульчинская управа, руководимая Пестелем и Юшневским; Каменская, имевшая во главе Волконского и Давыдова; Васильковская — с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Тульчинская управа была центральной. Но Васильковская управа далеко превосходила остальные по оживленности своей работы. Васильковская управа держала себя очень самостоятельно: Муравьев-Апостол многие действия предпринимал на свой страх и только извещал о них Тульчинскую управу. В конце-концов, он попал в состав „Верховной думы", т.-е. той тройки, которая стояла во главе всего Южного Общества.

По своим политическим взглядам Муравьев был врагом всяких монархий и убежденным приверженцем республики. Средством для установления республики в России он считал военное восстание. Размышляя о том, что делать с царской фамилией при удаче

восстания, он, по мягкости своего сердца, был против истребления всей семьи Романовых, о чем иногда поднималась речь среди заговорщиков. Но смерть Александра I он считал неизбежной,—его убийство, по мнению Муравьева, и должно было послужить сигналом к началу восстания. Точно так же он соглашался и на убийство царского брата Константина.

Каждый год в Киеве во время так-называемой Контрактовой ярмарки бывали большие с'езды офицеров. Члены общества пользовались этим для того, чтобы устраивать в это время свои собрания. На с'езде 1822 г. участники слушали „Русскую Правду"—план республиканской конституции для России, составленный Пестелем. В 1823 г. Муравьев-Апостол ввел в общество заговорщиков своего друга Бестужева-Рюмина. На этом совещании он упрекал других за их нерешительность и убеждал в необходимости скорее начинать восстание. В этом году Александр должен был производить смотр войскам в крепости Бобруйске. Муравьев предлагал арестовать его вместе с вел. кн. Николаем и генералом Дибичем во время этого смотра. Другие заговорщики нашли этот план неосуществимым. Смотр в Бобруйске был потом отменен.

Летом 1824 г. опять предполагался царский смотр войскам под Белой Церковью, в Киевской губернии. Муравьев-Апостол составил в связи с этим новый план восстания, который предлагал на киевском совещании 1824 г. Убив Александра, участники восстания должны были двинуться на Киев и на Москву и стать там вооруженными лагерями. Сам Муравьев-Апостол предполагал в таком случае отправиться в Петербург, чтобы поднять восстание в Северном Обществе. Смотр в Белой Церкви тоже не состоялся.

В 1825 г. восстание едва не вспыхнуло само собой во время летнего лагерного сбора войск под Лещи-

ным. Поводом к волнению заговорщиков послужило то, что у одного из членов общества, Повало-Швейковского, по неизвестной причине отняли командование полком. Сам Повало-Швейковский с трудом отговорил наиболее горячих офицеров от выступления по этому поводу. Во время лещинского сбора сроком для начала движения установили в лето 1826 года.

Членам Васильковской управы удалось связать Южное Общество с другими революционными организациями. Бестужев-Рюмин открыл, что в южной армии существует самостоятельное революционное офицерское общество. Оно называлось „Общество Соединенных Славян", потому что конечной целью своей ставило освобождение всех славянских народов и соединение их в одно великое целое на федеративных началах. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин начали с „Соединенными Славянами" переговоры о соединении обоих обществ. Муравьев предоставил в этих переговорах главную роль Бестужеву-Рюмину и тот произносил пламенные речи о необходимости соединенных действий и об открывающихся широких революционных возможностях. „Соединенные Славяне" после некоторых колебаний согласились на об'единение.

Это об'единение произошло в сентябре 1825 года. Еще раньше того, в январе 1824 г., Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин вступили в сношения с представителями польского тайного общества. Позже эти переговоры продолжались Пестелем. Смысл заключенного словесного соглашения был тот, что полякам было обещано возвращение некоторых присоединенных от Польши к России губерний, а поляки обязывались поддержать восстание, когда оно начнется в России, и захватить вел. кн. Константина, проживавшего в Польше в качестве командующего войсками. Практического значения это соглашение не получило.

Среди вожаков Южного Общества С. И. Муравьев-Апостол более всех других говорил о необходимости скорей начинать восстание. У него были на этот счет некоторые несогласия с Пестелем. Его постоянные попытки перейти к решительным действиям тревожили Пестеля; Муравьев представлялся ему слишком стремительным. „Я видел в Муравьеве решимость действовать вопреки всему“,—говорит один из членов общества. Он был главным возбудителем революционных настроений на юге вместе со своим другом Бесужевым-Рюминым. Следует добавить, что некоторые заговорщики из общества Соединенных Славян были настроены еще более решительно: они готовы были поднять восстание чуть не в любую минуту. Относительно них С. И. Муравьев-Апостол играл сдерживающую роль.

Относительно революционных способов действия Муравьева-Апостола необходимо заметить следующее. Как сказано уже, он много делал для солдат, приобрел с их стороны большую преданность, своей пропагандой старался поддержать в них чувство негодования против начальства и существующих порядков. Но он считал совершенно ненужным посвятить хотя бы некоторых наиболее сознательных солдат во все планы тайного общества, сообщить им, к чему это общество стремилось. Он полагал достаточным, чтобы солдаты были преданы ему, как любимому начальнику,—тогда они в решительный момент пойдут за ним всюду. В таком отношении к солдатам сказывалось то, что Муравьев-Апостол по происхождению был дворянин, большой барин. В качестве барина он совершенно не привык к мысли о необходимости самодеятельности народных масс: самостоятельные революционные действия этих масс даже пугали свободолюбивое дворянство.

Был еще один вопрос, который Муравьев-Апостол решал совсем иначе, чем позднейшие революционеры,

в особенности выразители стремлений пролетариата Муравьев несомненную революционность и горячий республиканизм соединял с большой религиозностью. Он полагал даже, что именно в религии революция и может найти наилучшую опору. В настоящее время такая мысль дика, но сто лет тому назад довольно многие заблуждались таким образом. Желая соединить революцию с религией, Муравьев-Апостол в декабре 1825 г., уже перед самым восстанием, сочинил, при некотором содействии Бестужева - Рюмина, особый „Православный Катехизис". Здесь он, опираясь на библию, доказывал, что цари не угодны богу, что истинно верующие люди должны уничтожить царскую власть и учредить республику. Увлеченный своей мыслью о какой-то „христианской свободе", Муравьев был совершенно чужд пониманию значения классовой борьбы. „Любовь к богу и свобода должны вдохновлять солдат, а не материальные выгоды, всегда возбуждавшие кровавые распри", говорил он. Поэтому он в „Катехизисе" говорит очень горячо о необходимости бороться с царями во имя свободы, но ни слова не говорит о крепостном праве или о тяжелом положении солдатской массы. „Православный Катехизис" интересен, как первый опыт в XIX в. революционной прокламации для широких масс. Кроме „Катехизиса" им еще было сочинено краткое „воззвание" в том же духе. Текст того и другого документа дается в приложении.

Когда Муравьев-Апостол в конце 1825 года заговорил со своими сотоварищами о революционной пропаганде посредством религии и прочел им свой „Катехизис", то некоторые из „Соединенных Славян" делали горячие возражения против этого способа действий. Они говорили, что народ наш, в сущности, равнодушен к религии и что не следует говорить с ним языком духовенства, которое он презирает.

По их мнению, после начала восстания, когда заговорщики завладеют каким-нибудь пунктом, нужно было бы не об отвлеченной свободе говорить, с цитатами из библии, а выпустить прокламацию с об'явлением крестьянской вольности. Революционное понимание „славян", выходцев из самого бедного дворянства, было выше, чем у Муравьева.

Уже сказано, что южане наметили начало восстания на лето 1826 года. Обстоятельства заставили действовать раньше. 19 ноября Александр I умер в Таганроге. Когда дошло об этом известие до южной армии, войска были приведены к присяге его наследнику, брату Константину. В Черниговском полку, где служил Муравьев-Апостол, присяга эта проходила среди почти открытого ропота солдат. Одно обстоятельство еще больше возмутило весь полк. Полковой командир Гебель распорядился, чтобы после присяги, заодно уж, были подвергнуты телесному наказанию два провинившихся солдата. Человеколюбивый Сергей Иванович не мог вынести криков истязаемых жертв,— ему сделалось дурно в строю. Тогда офицеры и солдаты, не слушая команды и грозных начальственных окриков, бросились к нему на помощь. Эта чувствительность Муравьева из-за солдатского наказания еще больше увеличила привязанность к нему солдат.

После присяги Константину началось тревожное время. Некоторые, и Муравьев-Апостол в том числе, считали момент удобным для начала действий, в особенности после того, когда стало известным, что Константин отказался от престола и предстоит новая присяга следующему за ним брату, Николаю. Муравьев-Апостол сносился по этому поводу с Пестелем; в Тульчинской управе предполагали начинать позже—в феврале или марте. Наибольшую революционную готовность проявили „Соединенные Славяне". Они вырабатывали планы действий, при чем предпо-

лагали об'явить с самого начала освобождение крестьян и сокращение солдатской службы. Сношения заговорщиков между собою затруднялись тем, что офицеры, принадлежавшие к тайному обществу, были раскиданы по различным городам и местечкам.

Вскоре члены тайного общества поняли, что они открыты. Александр I перед своей смертью получил подробный донос о Южном Обществе. Доносчиком был один офицер, неосторожно принятый в общество. По смерти Александра донос этот был отправлен в Петербург, и правительство немедленно приняло меры. На юг отправился генерал со специальным поручением произвести аресты. 14 декабря был арестован Пестель, за ним последовали и другие. Пестель успел предварительно спрятать свою „Русскую Правду"— проект республиканской конституции для России.

26 декабря 1825 г. Сергей Иванович находился со своим братом Матвеем в Житомире, куда он прибыл по делам. Здесь он узнал о неудачной попытке военного восстания в Петербурге 14-го декабря. (За эту попытку все участники тайных обществ того времени получили в истории название „декабристов".) Когда Муравьевы выехали из Житомира, то по дороге их догнал Бестужев-Рюмин с известием, что в Василькове полковник Гебель взял бумаги Сергея Ивановича и теперь разыскивает его, чтобы арестовать.

В деревне Трилесах Гебель настиг братьев Муравьевых и арестовал их. Несколько офицеров Черниговского полка, явившиеся в Трилесы к Сергею Ивановичу по его записке, отправленной раньше, освободили арестованных и жестоко избили и поранили Гебеля.

Таким образом восстание началось как бы само собой.

Муравьев понимал, что освободившие его офицеры должны жестоко за это поплатиться, и не хотел

предоставлять их собственной участи. Муравьев-Апостол разослал несколько извещений в разные стороны, собрал две роты Черниговского полка, стоявшие в Трилесах и в соседней деревне, и 30-го декабря явился с ними в Васильков. Здесь восставшими были освобождены арестованные офицеры-заговорщики и в свою очередь арестованы те командиры, которые стояли за правительство.

Муравьев успокоил взволнованных жителей Василькова, которые не понимали, в чем дело, и боялись насилий со стороны солдат. Он об'яснил их представителям цель своего выступления. После этого жители охотно дали продовольствие для солдат и разместили их на ночь по квартирам.

Всю ночь Муравьев-Апостол писал. Нескольким писарям он продиктовал „Катехизис" для размножения. Офицера Мозгалевского он отправил в Киев с письмами к некоторым военным. Кроме того, он дал ему несколько экземпляров своего революционного „Катехизиса" для распространения среди населения в Киеве. Он рассчитывал поднять восстание в Киеве Прочие участники восстания тоже провели ночь с 30-го на 31-е декабря в приготовлениях к походу.

Утром 31 декабря, по распоряжению Муравьева, все войско было собрано на площади. Пока солдаты собирались, Муравьев толковал с офицерами. Для поднятия их духа он говорил им об испанском революционере Риэго, который выступил в поход всего с 300 людьми и однако имел успех. После присоединения тех рот, которые находились в Василькове, составился отряд почти в тысячу человек солдат Черниговского полка. Офицеров этого полка было человек 14. Все это были, главным образом, члены Общества „Соединенных Славян". Кроме того, в походе участвовали брат Сергея Ивановича, Матвей и Бестужев-Рюмин. Перед самым отправлением отряда в Ва-

сильков приехал из Петербурга младший Муравьев, Ипполит, только-что выпущенный в офицеры. Он с радостью присоединился к восставшим, хотя братья и отговаривали его.

Перед тем как выйти к солдатам, Муравьев потребовал к себе полкового священника. Он попросил его отслужить перед походом краткий молебен и, кроме того, прочесть солдатам „Православный Катехизис". Священник колебался, но согласился, когда Муравьев дал ему 200 руб. Впоследствии священник жестоко поплатился за свое согласие.

Выйдя к собравшемуся отряду, Муравьев-Апостол поздоровался со всеми и затем коротко изложил цель восстания и говорил о том, какая высокая цель — пожертвовать жизнью в борьбе за свободу. Это был торжественный момент похода: и солдаты, и офицеры с восторгом обещали итти всюду, куда поведет их Муравьев. Затем священник прочел „Катехизис", где говорилось, что бог велит бороться с царями. Муравьев-Апостол об'явил, что он никого не принуждает следовать за собой и что те, кто не хочет подвергать себя опасности в борьбе, могут оставить ряды. Никто не воспользовался этим предложением. После этого отряд выступил из Василькова. Горожане провожали его пожеланиями успеха.

В этот важный момент Сергей Иванович должен был испытать сильное разочарование. Он надеялся, что чтение „Катехизиса" должно сильно поднять революционный дух солдат и воспламенить их жаждой борьбы за свободу. Но это воззвание, не связанное с насущными нуждами солдат и выраженное церковными словами, осталось непонятным для них. В последний момент пришлось последовать примеру петербургских заговорщиков и воспользоваться именем великого князя Константина. Солдатам было понятнее, когда им говорили, что не следует прися-

гать Николаю, потому что уже присягали Константину. Отряд выступил с криками: „Да здравствует Константин! Да здравствует вольность!“ Для республиканца Муравьева это было, конечно, тяжелой уступкой.

Каков был план действий Муравьева? Первоначально он двинулся к Житомиру в надежде соединиться там с другими войсками и, может быть, если начнется движение в Киеве, направиться туда. Но беда была в том, что твердого плана у него не было. Вместо того, чтобы двигаться быстрыми переходами в раз принятом направлении и тем выиграть время, Муравьев проявлял медлительность, не принимал всех нужных мер, упускал некоторые возможности. Надежды его на то, что по дороге к отряду присоединятся другие, не оправдались. Только офицер Быстрицкий привел еще одну роту того же Черниговского полка, которая была расквартирована в другом месте. Ближайшие по месту расположения командиры полков, члены общества, на которых сильно надеялся Муравьев, не поддержали его и, когда он посылал к ним с извещением о начале действий, ответили ему решительным отказом. Это было дурным знаком. Получив с самого начала ряд таких отказов, Муравьев понял, что надежды на удачу почти нет, но не захотел отступать.

31-го декабря отряд пришел в деревню Мотовиловку. Там находились еще две роты Черниговского полка, без офицеров. Муравьев-Апостол обратился к ним с речью, приглашая с собой, но эти роты выслушали его в молчании и не пожелали присоединиться к восставшим, за исключением одного взвода.

В Мотовиловке была об'явлена дневка. Сергей Иванович осмотрел караулы, посетил все роты, разговаривал с солдатами и ободрял их. Местные крестьяне оказали солдатам радушный прием и желали

Муравьеву всякого успеха в его предприятии, называя его своим избавителем. Муравьев потом говорил, что эти приветствия крепостных крестьян дали ему счастливейшие минуты в его жизни.

2-го января утром выступили дальше. Чувствовалось, что дух несколько падает, — в рядах стало замечаться уныние. Между прочим, выяснилось, что ночью сбежало 6 офицеров. Муравьев постарался ободрить солдат и имел в этом успех.

Муравьев-Апостол изменил план и, выйдя из Мотовиловки, направился на Белую Церковь, где он надеялся соединиться с расположенным там полком. Однако, по дороге выяснилось, что полк оттуда ушел, и тогда отряд повернул снова на Житомир. Эти перемены направления показывали на неуверенность. Ночевали в деревне Пологах, при чем ночью сбежало еще несколько офицеров. 3-го января утром из офицеров Черниговского полка оставалось только 5: Соловьев, Сухинов, Кузьмин, Щепилло и Быстрицкий. Брат Муравьева, Матвей, оставался с Сергеем из дружбы к нему, но помощь от него была плохая: совершенно лишенный революционного под'ема, он только расхолаживал всех.

3-го января отряд в 1 ч. дня передохнул в деревне Ковалевке. Муравьев-Апостол сжег там некоторые свои бумаги. Не пройдя и 6-ти верст от Ковалевки, возле дер. Устиновки, часа в 2 дня восставший полк встретился с правительственным отрядом ген. Гейсмара. У этого отряда были пушки, и это решило исход дела. После первого пушечного выстрела, не причинившего вреда, Муравьев приказал осмотреть ружья и приготовиться к бою. Но сейчас же последовал картечный залп, убивший и ранивший несколько человек. Вторым залпом был убит офицер Щепилло и несколько рядовых, а Сергей Муравьев-Апостол получил довольно тяжелое ранение в голову. Солдаты заколе-

бались, первые два взвода побросали ружья. Другие еще пытались сопротивляться, но новые пушечные выстрелы порешили все. Быстрицкий был контужен, Кузьмин ранен, Ипполит Муравьев убит (или, по другим сообщениям, был ранен, а потом сам застрелился). Несмотря на отчаянные усилия Соловьева, Сухинова и раненого Кузьмина спасти положение, все остальные черниговцы бросили ружья и разбежались. Гусары Гейсмара стали их преследовать.

Остается неясным следующий пункт. Есть сообщение, что после залпа солдаты Черниговского полка сами схватили Муравьева-Апостола и выдали его врагам. Брат Муравьева, очевидец всего происходившего, не говорит ничего об этом. Как видно, некоторые из солдат в последний момент ругали Муравьева, говоря, что он их погубил. Но таких было немного. Большинство глядело на него с полным сочувствием, когда его, раненого, увозили в санях.

Так кончилась неудачей революционная попытка Черниговского полка. У Муравьева-Апостола было мало надежды на успех с самого начала, — этим об'ясняется неуверенность его действий и мрачность его настроения во время похода. Но он во всяком случае решил итти до конца. Офицеры во время боя вели себя геройски и не щадили себя: из 9-ти лиц командного состава убито или ранено было 5.

Арестованные офицеры ночевали в деревне Трилесах. Рану Сергея Ивановича нечем было перевязать, так как все пожитки были расхищены гусарами Гейсмара. От сильной потери крови у него несколько раз за ночь случались обмороки. Вместе с прочими ночевал и Кузьмин, скрывший свою рану и припрятавший в рукав шинели пистолет. Не желая отдаваться живым в руки врагов, он ночью застрелился. На раненого Муравьева это произвело ужасное впечатление.

Следующий день начался тяжелой сценой прощания с убитым Ипполитом. Вот как описывает ее Матвей Муравьев. „Утром 4-го января 1826 г. рану перевязали, подали сани; приготовлен был конвой из Мариупольских гусар, чтобы отвезти нас в Белую Церковь. Сначала начальник конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить нам проститься с братом нашим Ипполитом, потом повел нас к нежилой довольно пространной хате. На полу лежали голые тела убитых, в числе их и брат наш Ипполит. Лицо его не было обезображено пистолетным выстрелом; на левой щеке под глазом заметна была небольшая опухоль, выражение лица было гордо-спокойное. Я помог раненому брату Сергею стать на колени; поглядели на нашего Ипполита, помолились богу и дали последний поцелуй нашему убитому брату".

В Белой Церкви братьев Муравьевых разлучили, так что Матвей лишился возможности ухаживать за Сергеем. 14-го января Сергей Иванович закованный был доставлен в Могилев-на-Днепре. Оттуда после допроса его отправили в Петербург. Первым делом его доставили в Зимний Дворец. Несмотря на страшную слабость Муравьева, Николай стал его допрашивать. Он был так болен и изнурен, что во время допроса не мог стоять на ногах. Его заключили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где сидело уже много декабристов.

Николай I в таких словах передал впечатление, произведенное на него Муравьевым во время допроса: „Муравьев был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд".

Муравьев был болен от раны, его навещал врач. Несмотря на это, в самой камере его бессменно стояли

часовые. Допущенный к нему отец пришел в ужас при виде своего сына — изнуренного от болезни, с раненой головой, в шинели, забрызганной кровью. На его предложение прислать другую одежду сын сказал: „Я умру с пятнами крови, пролитой за отечество".

Началось следствие; царские приспешники всякими способами выпытывали то, что им было нужно. Муравьев-Апостол показывал о себе все откровенно, ничего не скрывая. Но он при этом не выражал раскаяния в том, что сделал.

По распоряжению Николая, был создан особый суд из генералов, сановников и архиереев. Суд распределил всех подсудимых на несколько разрядов, смотря по степени вины. Пятерых—Пестеля, Рылеева, Каховского, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, как наиболее виновных, суд поставил вне разрядов и приговорил их к старинной мучительной казни *четвертованием*. Потом четвертование было заменено повешением.

Окончательный приговор был об'явлен всем декабристам 12-го июля. Муравьев-Апостол выслушал его с удивительным мужеством. Пришедшая к нему на последнее свидание сестра поразилась его спокойствием. Вот что рассказывает об этом свидании брат Матвей Иванович:

„Сестра, едва оправившись от родов, была в полном неведении об участи, его ожидавшей; муж ее, не решившись сообщить ей грозной вести, посоветовал ей испросить дозволение на свидание с братом. Это было накануне казни. Она поспешно с'ездила в Царское Село, где, ради ходатайства генерала Дибича, получила на то высочайшее разрешение. Ночью, за несколько часов до казни, она, увидев брата, закованного в кандалы, залилась слезами; брат, чтобы ее утешить, сказал ей с спокойным видом,

что напрасно ее так смущают эти оковы, что они ни чувства, ни языка у него не связывают и поэтому не помешают им дружески побеседовать. Он сумел рассеять ее опасение и пробудить в ней надежду, так что касательно его участи она осталась в том же неведении; просил ее только позаботиться о брате".

В ночь перед казнью он разговаривал с сидевшим в соседней камере Бестужевым-Рюминым, стараясь укрепить и ободрить его. Он написал отцу письмо — в очень спокойном тоне, без волнения. В письме содержатся некоторые общие рассуждения—и ни слова не говорится о раскаянии, которым проникнуты писания многих декабристов.

На рассвете пришли за осужденными. Когда в каземат Муравьева вошел со смущенным видом плацмайор, то первый спокойно сказал: „Вы, конечно, пришли надеть на меня оковы". Его заковали, как и всех его товарищей. По дороге к месту казни Сергей Иванович все время ободрял Бестужева-Рюмина, очень нуждавшегося в поддержке. Ему, самому юному из казнимых, расставаться с жизнью было очень тяжело.

Довольно долго пришлось ждать осужденным, пока все приготовления были окончены. Казнь совершилась на валу крепости часов в 5 утра 13 июля 1826 года. Когда пять жертв были повешены, то произошел ужасный случай: веревки у троих из них, в том числе и у Муравьева-Апостола, оборвались, и они принуждены были во второй раз переживать смертные муки. Есть известие, что Муравьев, упавши с виселицы на помост и сильно расшибшись, мог только сказать: „Бедная Россия! и повесить-то порядочно у нас не умеют". Когда все было кончено, тела сняли и ночью тайком похоронили их в уединенном и унылом месте — на о. Голодае, где зарывали павших животных...

Выступившие 100 лет тому назад декабристы поставили на своем знамени лозунг: борьба с самодержавием и с крепостным правом. Так как они все были дворяне, то их борьба носила характер очень нерешительный,—большинство было очень умеренно в своих стремлениях и боялось настоящих революционных способов действия, боялось, что за революцию возьмутся сами угнетенные массы. Но среди декабристов было и более смелое меньшинство. Этими-то наиболее решительными революционерами и было произведено восстание Черниговского полка. Участники восстания шли прямо на гибель; один неполный полк имел против себя целую армию, но все-таки они не отступили и шли до конца. Они верили в то, что их гибель покажет дорогу будущим поколениям. Среди этой части декабристов выдающееся место по мужеству, революционной готовности, твердости республиканских взглядов и благородству характера занимает Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Его имя заслуживает уважения и памяти и теперь, спустя 100 лет, когда восторжествовала неизмеримо более глубокая и решительная революция, — революция рабочих и крестьян.

Закончим этот очерк одной песней, посвященной С. И. Муравьеву-Апостолу и восстанию Черниговского полка. Эту песню в народном духе сочинил декабрист М. А. Бестужев в 1829 или в 1830 г., во время заключения в Петровском заводе. Песня очень понравилась сотоварищам Бестужева, и они часто распевали ее на мотив „Уж как пал туман на сине море“.

Что не ветер шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним Черниговцы идут грудью стать,
Сложить головы за Россию-мать.
И не бурею пал долу крепкий дуб,
А изменник червь подточил его.

Закатилася воля-солнушко.
Смертна ночь легла в поле бранное.
Как на поле том бранный конь стоит,
На земле пред ним витязь млад лежит.
„Конь! мой конь! скачи в святой Киев град:
Там товарищи—там мой милый брат...
Отнеси ты к ним мой последний вздох,
И скажи: „цепей я нести не мог,
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!“

1. „ПРАВОСЛАВНЫЙ КАТЕХИЗИС".

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос. Для чего бог создал человека?

Ответ. Для того, чтоб он в него веровал, был свободен и щастлив.

Вопрос. Что значит веровать в бога?

Ответ. Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос. Что значит быть свободным и щастливым?

Ответ. Без свободы нет щастия. Святый апостол Павел говорит: ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам.

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство нещастно?

Ответ. От того, что цари похитили у них свободу.

Вопрос. Стало быть, цари поступают вопреки воли божией?

Ответ. Да, конечно, бог наш рек: Болий в вас да будет вам слуга, а цари тиранят только народ.

Вопрос. Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воли божией?

Ответ. Нет. Христос сказал: не можете богу работати и мамоне; от того-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос. Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и несщастия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли— Иисус Христос.

Вопрос. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ. Ничто! Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники. продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ. Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: Блажени алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся, и низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос. Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос. Стало быть, бог не любит царей?

Ответ. Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да

прочтет каждый желающий знать суд божий о царях книги Царств главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны; и бысть лукав глагол сей пред очима Самуиловыма, и помолися Самуил ко господу, и рече господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, но мене уничтожиша, яже не царствовати ми над ними, но возвестиши им правду цареву. И рече Самуил вся словеса господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: сие будет правда царева: сыны ваша возмет и дщери ваша возмет и земли ваша одесятствует, и вы будете ему раби и возопиете в день он от лица царя вашего, егоже избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя... и так избрание царей противно воли божей, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос. Стало, и присяга царям богопротивна

Ответ. Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его, не призывая всуе имени господня; господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: аз же глаголю вам, не клянитеся всяко, и так всякая присяга человека противна богу, яко надлежащей ему единому.

Вопрос. От чего упоминают о царях в церквах?

Ответ. От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящии не меньше глаголят, якоже язычники.

Вопрос. Что же наконец подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою

богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, тот, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь.

---

2. ВОЗЗВАНИЕ.

Бог умилосердился над Россиею, послал смерть тирану нашему. Христос рек: не будьте рабами человеков, яко искуплены кровью моею. Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страданья наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасенье. Братья! раскаемся в долгом раболепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус Христос.

Все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертью тирана бог ознаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. От ныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви; не покусимся ни на какие злодеяния, и без распрей междоусобных установим правление народное, основанное на законе божием, гласящем: да первый из вас послужит вам.

Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет.—И так, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии, и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстановляющих во всем блеске храмы господни.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“ за 1925 г.

состоит из 30 книжек (52 номера) размером 16—112 стр. каждая, всего 850 стр.

1. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Кровавое воскресенье (9 янв.).
2. „ „ —Ленин в сибирской ссылке.
3—4. **П. Швецов**—Провокатор Окладский.
5. **Билибин**—Орловский централ.
6—7. **М. Ф. Фроленко**—„Милость“.
8. **Каллистов**—Тобольский централ.
9—10. **Андрей Соболь**—„Колесуха“. Амурск. колесная дорога.
11. **М. Ф. Фроленко**—1881 год.
12. **Н. Подвойский**—Первый совет рабочих депутатов.
13—14. **А. Капгер**—Верхоянская ссылка.
15—19. **Н. М. Дружинин**—Кто были декабристы и за что они боролись?
20—21. **Я. Свердлов**—Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.).
22—23. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Два юбилея (1825 и 1905).
24—25. **С. Сибиряков**—Г. И. Котовский.
26. **В. Алексеев**—Николай I и декабристы.
27—29. **Е. Закс**—Побеги русских революционеров.
30—31. **С. Я. Штрайх**—П. Г. Каховский.
32. **С. Я. Штрайх**—К. Ф. Рылеев.
33. **В. Н. Фигнер**—М. В. Новорусский.
34. **С. Я. Штрайх**—М. П. Бестужев-Рюмин.
35—36. **И. Коган**—Декабрьское восстание в Москве 1905 г.
37. **К. Беркова**—С. М. Кравчинский (Степняк).
38—39. **М. Клевенский**—С. И. Муравьев-Апостол.
40—41. **Ю. Бочаров**—Севастопольское восстание 1905 г.
42—45. **А. Соболь**—„Давай улетим...“ Пьеса из жизни каторжан на „колесухе“.
46. **И. Коган**—Погромы в дни свобод.
47—48. **Н. Дружинин**—Петербургский Совет Рабочих Депутатов.
49. **В. Фигнер**—Жены декабристов.
50—51. **Маркелов**—П. И. Пестель.
52. **И. Коган**—Карательные экспедиции 1905 г.

Цена полного комплекта Дешев. Библиотеки за 1925 г. 2 р. 50 к.

18653

Цена 10 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 г. на

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

52 номера в год (каждый номер размером 32 стр.).

В новом 1926 г. Дешевая Библиотека будет выходить в увеличенном размере: каждый номер по 32 стр., что составит в год свыше 1600 страниц.

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения, биографии революционных деятелей, а также репрессивной политики самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

В первую очередь выйдут:

1. **Феликс Кон** — „Пролетариат".
2. **Викторовский** — А. И. Ульянов.
3. **Ю. Бочаров** — Д. О. Заславский.
4. **В. Катин-Ярцев**—Всеобщая стачка петербургских текстильщиков 1896 г.
5. **В. Н. Фигнер** — М. Ф. Фроленко.
6. **В. Н. Фигнер** — Н. А. Морозов.

и ряд других.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

На 1 год—52 номера—4 р. 50 к. } с доставкой и пересылкой.
„ ½ года—26 номеров—2 р. 50 к. }